

Валерий Золотухин, заслуженный артист РСФСР:

ВЕЛЕНИЕ СЕРДЦА

Из давнего интервью: «...другой профессии не знаю. Родился артистом. Ничего другого не умел и не умею». А что скажет сегодня на это довольно-таки безапелляционное заявление актера прозаик Валерий Золотухин, имеющий за плечами, помимо разных журнальных публикаций, уже две вышедшие в центральных издательствах книги повестей и рассказов («На исток-речушку, к детству моему», «Молодая гвардия», 1978 г., и «Печаль и смех моих крылечек», «Современник», 1984 г.).

— Думаю, сам факт, что беседуем мы с вами не за письменным столом в моем кабинете, а за кулисами театра, является в какой-то мере ответом на вопрос. Профессию свою люблю и менять не собираюсь. Я ведь и перо в руки отбавился взять во многом благодаря ей. Мой случай хоть и не рискну пока назвать типичным, но единственным его тоже не назовешь. Ведь и Николай Губенко, например, сам пишет сценарии своих фильмов, печатаются и Алла Демидова, и Вениамин Смехов...

— Обычно заголовок статьи приходит после разговора с человеком, с которым беседуешь. У меня же он родился до нашей с вами встречи. Перед ней я перечитал ваши повести и рассказы и ясно почувствовал — написано это не от нечего делать, не из желания удивить народ разнообразием своих талантов, вот, мол, смотрите, каков я: и спою, и сыплю, да и книгу напишу! Книжки ваши — совсем другие. Вы возвращаетесь памятью в пору своего детства и юности не за тем только, чтобы вновь пережить горько-сладостные воспоминания о них, вами движет более серьезная и глубокая причина — найти, нащупать корни своего бытия на этой земле: исторические, нравственные. Эта цель, по-моему, и заставила вас сесть за письменный стол.

— Я очень рад, что вы это почувствовали. Значит, это все-таки прочитывается в написанных мною строках, мне это, безусловно, очень дорого. Действительно, память свою ворошить и пытаться связно ее на бумагу перенести я стал не из суетного желания увидеть свое имя, напечатанное крупными буквами. А основную часть своей работы я гораздо позднее для себя определил, начальная же задача была сугубо личная.

Заболел мой старший сын Денис, у него обнаружили туберкулез легких и положили его, шестилетнего мальчонку, в больницу. Не на неделю положили, не на месяц... Я сначала точный срок и загадать боялся. Ведь что это за ужасная штука такая — туберкулез, я знал не понаслышке, сам три года пролежал прикованным к постели.

Волей-неволей примерял я свое тогдашнее положение к его теперешнему — что я тогда чувствовал, о чем думал? А думать-то прикованному к постели бо-о-ольшой досуг.

Часто я думал про папу с мамой, вспоминал их лица, жесты, слова, потом пытался представить, как они живут без меня, дальше фантазировал, как они жили, когда меня еще вообще не было. Старался вообразить их маленькими, моего возраста, и уж в совсем размытых, смутных чертах рисовались моему воображению их родители, которых я никогда в жизни не видел.

И вот я представил себе, что сын мой Денис долгими больничными вечерами думает обо мне и, может быть, как я когда-то, пытается своей детской мыслью проникнуть в меня, связать себя со своими дедушкой и бабушкой и что удается это ему плохо. Неудивительно: что он, родившийся и выросший в городе, знает о том далеком крае, где родился я и где всю жизнь прожили мои родители? Что знает он о крестьянском труде, не о современном: с комбайнами, тракторами, белокаменными домами культуры и т. д., а о крестьянском труде суровой военной и послевоенной поры, который еще довелось застать мне? Что он знает о том, как мы жили в ту пору, как солоно досталось людям земли сегодняшнее благополучие страны? Очень мало, почти ничего. Конечно, он пока еще мал, конечно, я постараюсь многое рассказать ему о том времени, кое-что он сам узнает из книг, кинофильмов, в школе... И тут же подумалось — а сколько в вечной спешке своей актерской жизни я сумею устно ему передать? И много ли из этого через годы останется в его памяти, когда он захочет передать

это своему сыну? После этих вопросов, вернее, после ответов на них самому себе я и решил написать книгу. Не для печати, об этом я даже и не помышлял — лично для сына.

Постепенно стали накапливаться отрывочные дневниковые записи. Работа эта меня потянула к себе, я отдавался ей с любовью и желанием. В какой-то момент, перечитывая написанное, вдруг понял — ведь получается не только о себе, отце, матери, но и о людях, нас окружавших, о событиях, которые происходили тогда в стране и отразились в нас, в наших поступках и мыслях, а значит, хоть это звучит и громко — о времени, в котором мы жили. Так книга «для сына» заявила свои права на нечто большее.

Я прекрасно сознавал, на что замалчиваюсь и какую ношу мне предстоит взвалить на себя. Ведь, чтобы претендовать на это большее, мне нужно, по сути, начать все сначала — заново выстраивать повествование, ломать стесняющие свободу жесткие «биографические рамки», учиться профессионально работать со словом, в общем самостоятельно и глубоко овладеть премудростями сочинительства. А где взять время, силы, не угаснет ли мой пыл после первых же неудач? Спасибо, поддержал мои благие намерения Борис Андреевич Можжев, прочитавший и одобрявший мои первые литературные опыты. Он понял, что занялся я литературой не из праздности и тщеславия, а совсем из иных побуждений, и напутствовал: пиши, только занимайся этим делом серьезно.

Серьезно, как я понял, означало не делать самому себе послаблений на то, что не эта профессия меня кормит, без каких-либо скидок на свою актерскую известность. Другое дело — не всегда все выходит, как хотелось бы, но это уж от способностей, а не от легкости подхода.

Многое из написанного я наизусть помню, иногда целые страницы. А работая, обязательно на слух фразу проверяю — актерская, вероятно, привычка — звукопись ее так ищущую, звонкую. И еще пытаюсь услышать, а как бы тот или иной актер ее прочел, Мордвинов например.

Сказывается, конечно, и то, что пишу я о том, что хорошо знаю. Мои рассказы и повести о детстве и юности в основе своей автобиографичны, но все же это произведения не мемуарного характера, а творческого, и я, как автор, широко пользуюсь правом вымысла, обобщения.

Правда, я только в последнее время начинаю подступаться к этому нелегкому делу — повествовать о людях и событиях, которые мне неведомы или знакомы лишь по рассказам. К этому нужен особый талант, каким в полной мере обладал, например, Владимир Высоцкий. Он никогда не был альпинистом, моряком, летчиком, но такие песни сумел написать об этих людях, так глубоко проник в суть и психологию этих профессий, что многие до сих пор уверены в его прямой причастности к их работе.

— Я думаю, ни читатели, ни сами себе мы не простим, если в нашей беседе лишь вскользь упомянем о Владимире Семеновиче Высоцком, нашем товарище и по сцене, и по литературному творчеству. Немного он при жизни видел в печати добрых слов о себе, только теперь начинают понимать, что ведь он, в сущности, честно и просто рассказал в своих песнях о нашем времени, не скрывая героического, романтического, мужественного, что было в его поколении, но и не замалчивая лицемерно пошлости, мещанства, ханжества, косности, — говорил людям правду в глаза, то есть делал то, что сегодня настоятельно требуется от художника и на что раньше отваживались немногие из пишущих.

— Один из самых распространенных вопросов, которые задают мне на встречах зрители и читатели: почему я, человек пишущий, до сих пор не написал большой, подробной вещи

о Высоцком? Эта претензия чаще всего высказывается даже не в форме вопроса или просьбы, а в форме прямого требования, порой категоричного. «Кому, как не вам, — говорят в таких случаях, — ведь он назвал вас своим лучшим другом». По поводу «лучшего» друга я мог бы скромно промолчать. Никто ведь, кроме Высоцкого, не докажет, так это обстоило в действительности или не так. А слова эти он своей рукой начертал в одной из анкет. Но хочу быть честным перед его памятью, спекулировать нашими с ним добрыми отношениями не могу и не буду. Сказано это было скорее под влиянием минуты, чем с полной, продуманной ответственностью.

Владимир Семенович был человек увлекающийся, импульсивный, идущий в своих симпатиях и антипатиях до конца: уж если друг, то только лучший и никакой другой, а если враг, то руки ему не подаст и лицемерно улыбаться не станет. Были у него, конечно, и более близкие люди, но и нашу с ним дружбу, и совместную работу почитаю за счастье и драгоценнейший подарок судьбы. Человек-то ведь был удивительный! Таланта редкого, мощного, даже пугающего иной раз силой и размахом своего выявления. Только после его смерти мы поняли, кого потеряли, кем он был для всех нас. Артист и Поэт — и оба эти определения по отношению к нему требуют употребления с большой буквы.

Вот и молчу пока, не беру на себя смелости написать книгу о нем, а заниматься простым бытоописанием его жизни считаю для него обидным — он достоин большего. Это должна быть книга не только о художнике сцены и слова Владимире Высоцком, но и о времени, в которое он жил и творил и о котором так ярко, самобытно, доступно рассказывал людям в своем творчестве. И сегодня звучат его песни, живут в них его страсть и голос, остаются в памяти зрителей его Галилей, Хлопуша и Гамлет. В них — его мысль, и боль, и счастье.

— А как вы относитесь к Василию Макаровичу Шукшину?

— Слишком поздно, к сожалению, открыл для себя его литературное творчество, а познакомиться лично и вовсе не довелось. А ведь он земляк мой, от его села до моего всего 70 километров — по сибирским масштабам это не расстояние.

— Вот передо мной февральский номер журнала «Юность», ваша новая публикация — рассказ «Комдив четырнадцатый». Время действия — военные годы, место действия — поле сражения, герой — командир дивизиона гвардейских минометов («катюш»). Здесь вы идете уже не от своей биографии — от биографии народа, отталкиваетесь не от личных переживаний, а именно от памяти, полученной в наследство от старшего поколения, прошедшего войну. Но главная цель, как мне кажется, осталась неизменной — все то же упорное желание добраться до корней, до истоков, питавших героизм наших солдат, спасших своим воинским подвигом Родину и весь мир от фашизма. Но здесь вы уже избираете иные средства для разговора с читателем, чем прежде, — иная манера авторского повествования, иной язык, стиль, образный строй. Что это, просто попытка или начало принципиально нового этапа в вашем литературном творчестве?

— Вы требуете от меня невозможного — чтобы я ясно и последовательно предсказал вам свою дальнейшую литературную судьбу. На это, я думаю, не отважится и известный, маститый писатель, что уж обо мне говорить! Могу сказать одно: «Комдив четырнадцатый» — только небольшая часть задуманной книги о войне, над которой сейчас идет работа.

Беседу вел
Владимир ЕРШОВ.